

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Ожигова Мария Михайловна

**ГУМАНИТАРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РУССКОЙ И
НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ НАЧАЛА XX ВЕКА:
КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 5.9.3 – Теория литературы

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор

Клинг Олег Алексеевич

Москва – 2024

Работа выполнена на кафедре теории литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: **Клинг Олег Алексеевич**,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории литературы

Официальные оппоненты: **Марков Александр Викторович**,
доктор филологических наук, доцент,
Российский государственный гуманитарный
университет, профессор кафедры кино и
современного искусства

Романова Галина Ивановна,
доктор филологических наук, доцент,
Московский государственный педагогический
университет, профессор кафедры русской
литературы

Абрамов Петр Валерьевич,
кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник, Московский
государственный лингвистический
университет, доцент Высшей школы
сценических искусств

Защита диссертации состоится 14 марта 2024 года в 16:00 часов на заседании диссертационного совета МГУ. 059.5 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

E-mail: sovets@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27). Со сведениями о регистрации участия в защите в удаленном интерактивном режиме и с диссертацией в электронном виде также можно ознакомиться на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/059.5/2855>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Н.К. Полосина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования обусловлена высоким интересом к дискурсивным исследованиям в литературоведении, связанным с тенденцией к междисциплинарности в современной гуманитарной науке. Изучение дискурсивной проблематики в области литературоведения, теории текста и лингвистики связано с такими именами, как Н.Ф. Алефиренко, Н.С. Автономова, Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, Т.Д. Венедиктова, О.П. Богатырева, В.З. Демьянков, А.Р. Габидуллина, Т.А. ван Дейк, В.И. Тюпа, Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, Ю. Кристева, Ю.М. Лотман, Е.С. Кубрякова, О.И. Москальская, М.Л. Макаров, М.Ю. Олешков, П. Серио, В.В. Петров, М. Пешё, Л. Филлипс, З. Харрис, М. Фуко и др. В данном исследовании для анализа текстов будут использованы термины из методологического аппарата М. Фуко, относящегося к французской школе изучения дискурса. К другим известным представителям французской мысли, изучавшим дискурс, относятся А. Греймас, Ж.Ж. Лакан, Э. Бенвенист, Ж. Женетт, Ж. Гийом, Ж.-М. Марандэн, Д. Магно, Э. Руле, Л. Альтюссер, М. Пешё, Е. Ландовский, П. Серио, Ж. Бодрийяр, Р. Барт и др. Представителями немецко-австрийского направления являются З. Егер, У. Маас, П. Хартман, П. Вундерлих, Р. Водак, Ю. Линк, а англо-американского Т. Гивон, Дж. Граймс, З. Харрис, Г. Закс, Р. Лонгейкр и др.

Кроме того, **актуальность исследования** связана с широким распространением компаративистских приемов и методов исследования, общим развитием компаративистики. Значимый вклад в сравнительное изучение литератур внесли И.Г. Гердер, Т. Бенфей, А.Н. Веселовский, В.М. Жирмунский, Н.И. Конрад, А. Дима, Д. Дюришин, И.Г. Неупокоева, Н.Т. Пахсарьян, В.В. Полонский, Б.Л. Сучков, В.И. Кулешов, В.М. Толмачев, М.Б. Храпченко, Д.Ф. Марков, М.П. Алексеев, И.О. Шайтанов и др. Отдельно следует отметить книгу Т.Д. Венедиктовой «Разговор по-американски: дискурс торга в литературной традиции США», где была предпринята попытка сопоставления произведений русских и американских авторов XIX века в культурологическом контексте.

В данном диссертационном исследовании в сопоставительном аспекте рассматриваются несколько пар текстов: «Сельский врач» (написан в 1916 г., опублик. в 1919 г.) Ф. Кафки и «Вьюга» (написана в период с 1916 по 1918 г., опублик. в 1925–1926 гг.) М. Булгакова; «Доклад для академии» (1917 г.) Ф. Кафки и «Собачье сердце» (повесть написана в 1925 г.) М. Булгакова; «Процесс» (создавался с 1914 по 1915 гг., но вышел в печать после смерти автора в 1925 г.) Ф. Кафки и «Дьяволиада» М. Булгакова; «Учитель Гнус, или Конец одного тирана» (опубл. в 1905 г.) Г. Манна и «Мелкий бес» (опубл. в 1905 г.) Ф. Сологуба. Перечисленные пары художественных произведений представляют собой до этого теоретически не рассмотренное в литературоведении литературное явление. Данные тексты обладают высокой степенью сходства (некоторые феноменальной) на уровне архитектоники, а также сюжетном, мотивном и детальном уровнях, однако их авторы не могли заимствовать друг у друга, так как рассматриваемые тексты создавались в одно время, что подтверждают даты написания и публикации. Кроме того, некоторые тексты публиковались гораздо позже времени их создания, что исключает возможность заимствования и влияния («Процесс» Ф. Кафки). Некоторые из текстов также выходили в печать в одно время, а оба текста одной из пар были опубликованы в один год. Авторы сопоставляемых пар текстов жили в разных странах и не были знакомы друг с другом: Ф. Кафка (Австро-Венгрия), М. Булгаков (Россия); Г. Манн (Германия), Ф. Сологуб (Россия). Таким образом, объяснить явление сходства данных текстов через сознательное заимствование не представляется возможным.

Сопоставление и анализ рассматриваемых пар текстов имеет онтологические, гносеологические и эстетические основания. В онтологическом плане анализ рассматриваемых текстов связан с укорененностью искусства и художественного творчества в основы бытия. Применительно к литературе речь идет об изначальной связи жизни и деятельности человека с языковой сферой. В этом смысле заострение внимания на компаративном анализе текстов, сходство которых нельзя объяснить через привычные категории сравнительного литературоведения, имеет ценность, так

как помогает, с другой стороны взглянуть на вопросы языкового выражения художественной литературы, соотношения художественного текста с контекстом и фигурой автора. В гносеологическом плане компаративный анализ специфики данных текстов, затрагивая проблематику генезиса творческого акта, позволяет открыть новые познавательные возможности между теорией и историей литературы. В эстетическом плане рассмотрение данных пар текстов как высказываний позволяет сопоставить художественные системы, рассматриваемых нами произведений, осветить их сходство, через сопоставительный и попарный компаративный анализ раскрыть новые грани и глубину данных художественных произведений.

Методы различных литературоведческих школ для объяснения данного явления в литературном процессе также являются недостаточными. Подходы духовно-исторической школы, социологического метода, представленного в литературоведении советского периода, русской формальной школы, марксистского литературоведения, американской Новой критики, мифологической и культурно-исторической школ, а также различные фрейдистские и юнгианские подходы к анализу текстов не являются релевантными для нашего исследования, так как теоретический аппарат данных школ и методов недостаточен или обладает лакунарностью для объяснения явления текстов, обладающих такой степенью сходства, при этом созданных авторами одновременно и совершенно независимо друг от друга.

В то же время и традиционный теоретический аппарат компаративистики (контактно-генетические связи и типологические схождения) имеет лакуны для сопоставления такого рода текстов.

Гипотеза диссертационного исследования заключается в том, что схожесть рассматриваемых текстов на уровне архитектоники, сюжета, идейно-образного ряда, мотивов и деталей может быть объяснена тем, что их формирование было обусловлено гуманитарно-историческим дискурсом начала XX века (1897-1925 гг.). Для теоретического объяснения этого явления используются понятия «дискурс» и «высказывание» из методологического аппарата М. Фуко. Таким образом, художественные тексты, созданные в начале

XX века, анализируются в пространстве гуманитарно-исторического дискурса начала XX века как высказывания, порожденные им же. Дискурс здесь несет в себе текстопорождающую функцию. В то же время гуманитарно-исторический дискурс начала указанного периода являет себя в текстах, в частности, в виде доминантных характеристик данного дискурса.

Следует отметить, что уместность использования термина «дискурс», впервые появившегося в научном контексте изучения языка и словесности в 1943 г. (Э. Бюиссанс), применительно к литературе предыдущих эпох, в частности, к периоду начала XX века, связана с его потенциалом для заполнения лакуарности компаративистской методологии при описании явления сходства текстов без взаимовлияния и возможности авторов заимствовать друг у друга. Примеры такого заполнения терминологических лакун распространены в истории филологической науки. Так, Г. Висконти в 1818 г. ввел термин «классицизм», хотя классицизм на европейской почве возник задолго до появления термина, еще в XVII веке. Сходным образом такие термины М. Бахтина, как «хронотоп» и «полифонический роман», уверенно вошли в литературоведение и широко использовались при анализе текстов предшествующих эпох.

Кроме того, необходимость использования дискурсивной терминологии в области сравнительного литературоведения отражает, отмеченную Н.Т. Пахсарьян, «подвижную природу компаративистики»¹ и ее стремление к междисциплинарности.

Объект и предмет исследования. К объекту данного исследования относится возникновение сходных текстов «Сельский врач» и «Вьюга»; «Доклад для академии» и «Собачье сердце»; «Процесс» и «Дьяволиада»; «Учитель Гнус, или Конец одного тирана» и «Мелкий бес» в гуманитарно-историческом дискурсе начала XX века.

¹ Пахсарьян Н.Т. Франко Б. Сравнительное литературоведение: история, области применения, методы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. 2020. Сер. 7. № 2. С.12.

Предметом исследования является взаимосвязь сходства текстов с гуманитарно-историческим дискурсом, обуславливающим сближение данных произведений. Показано, что высокий уровень сходства (без возможности заимствования) на сюжетном, образном, мотивном, а также детальном уровнях обусловлен единым гуманитарно-историческим дискурсом начала XX века.

Целью исследования является компаративное рассмотрение текстов, обладающих в некоторых случаях феноменальным уровнем сходства, и попытка объяснить, чем обусловлена их схожесть и какие явные или скрытые тенденции или процессы могли «связать» эти тексты, с учетом того, что тексты созданы одновременно и авторы этих произведений не были знакомы и не могли заимствовать друг у друга. Для сопоставления применяются термины «гуманитарно-исторический дискурс» и «высказывание».

Для достижения цели исследования были поставлены следующие **задачи**:

1. Описать гуманитарно-исторический дискурс начала XX века.
2. Показать лакунарность компаративистской методологии по отношению к текстам, обладающим высокой степенью сходства (иногда феноменальной), созданным в одно время (в некоторых случаях одновременно), при этом авторы этих произведений не могли сознательно заимствовать образы и мотивы друг у друга, не имели контактных связей.
3. Обосновать необходимость и возможность применения терминологии («дискурс», «высказывание») из методологического аппарата М. Фуко к сопоставлению конкретных художественных текстов в связи с обнаружением лакулярности компаративистской методологии.
4. Сопоставить рассказы «Сельский врач» Ф. Кафки и «Вьюга» М. Булгакова; рассказ «Доклад для академии» Ф. Кафки и повесть «Собачье сердце» М. Булгакова; роман «Процесс» Ф. Кафки и повесть «Дьяволиада» М. Булгакова; роман «Учитель Гнус» Г. Манна и роман «Мелкий бес» Ф. Сологуба как целостные высказывания в

предложенной методологии с целью описания и объяснения их сходства с позиции литературоведения.

5. Показать в текстах М. Булгакова и Ф. Кафки наднациональность, надличность образов, на возникновение и сходство которых оказал влияние гуманитарно-исторический дискурс. Для этого будет предпринято попарное сопоставление текстов: «Сельский врач» — «Вьюга» → «Доклад для академии» — «Собачье сердце» → «Процесс» — «Дьяволиада» в концепте «Предчувствие — Предупреждение — Итог».
6. Сопоставить попарно целостные высказывания «Доклад для академии» — «Собачье сердце» и «Мелкий бес» — «Учитель Гнус» с опорой на эссе Мишеля Фуко «Фантастическая библиотека. Об “Искушении святого Антония” Гюстава Флобера» с тем, чтобы показать надличность, наднациональность образов, возникших под влиянием гуманитарно-исторического дискурса начала XX века.

Ограничения, накладываемые на решение задач. Во избежание перегруженности исследования новой терминологией, в данном диссертационном исследовании не используется весь научный потенциал терминологического аппарата Мишеля Фуко. Методологической основой исследования являются лишь некоторые термины, которые М. Фуко использовал в своих трудах «Слова и вещи», «Археология знания», а также в работах, связанных с литературным творчеством и дискурсом.

В практической части к ограничениям можно отнести то, что сравнительный анализ текстов осуществлен по возможности без подробного рассмотрения художественных текстов в рамках конкретных направлений и школ, а также с редукцией интерпретаций других исследователей творчества данных писателей. Такой подход к анализу соотносится с поставленными целями и задачами исследования, а также предложенной в работе методологией, подразумевающей анализ текстов исходя из гуманитарно-исторического дискурса начала XX века. Тем не менее в исследовании отмечаются литературные явления, повлиявшие на становление писателей.

Материалом исследования являются рассказы «Сельский врач» Ф. Кафки и «Вьюга» М. Булгакова, рассказ «Доклад для академии» Ф. Кафки и повесть «Собачье сердце» М. Булгакова, роман «Процесс» Ф. Кафки и повесть «Дьяволиада» М. Булгакова, а также романы «Учитель Гнус, или Конец одного тирана» Г. Манна и «Мелкий бес» Ф. Сологуба.

Теоретической и методологической основой исследования являются методологические основания из теоретического аппарата Мишеля Фуко, применяемые им в трудах «Слова и вещи» и «Археология знания». Кроме того, в методологическую часть органично включены работы М. Фуко, связанные с анализом художественной литературы и словесности. Основным методом является сравнительный подход к рассмотрению заявленных текстов. Для сопоставления применяются термины «гуманитарно-исторический дискурс» и «высказывание». Вместе с тем свойства этого дискурса обнаруживаются в самих сопоставляемых текстах, таким образом объективируясь в нем в виде специфических доминантных характеристик. Именно эти доминанты отчасти объясняют явление в литературоведении, когда в едином пространстве сосуществуют столь схожие тексты авторов, не заимствующих друг у друга. При этом текстопорождающий фактор дискурса выражается в архитектонике и формально-содержательном устройстве текста. На уровне формы гуманитарно-исторический дискурс объективирует столь схожие тексты через композицию и предметный уровень, к которому мы, вслед за Г.Н. Пospelовым и Л.И. Тимофеевым, будем относить в том числе и образный ряд сопоставляемых произведений. На уровне содержания сравниваемые тексты феноменально сходны в идейном и идейно-тематическом контексте.

Кроме того, разграничиваются понятия «дискурсивного» и «исторического». Понятие «исторического дискурса» включает в себя две составляющие. С одной стороны, это совокупность реальных исторических событий, которые могли повлиять на создание текста и отчасти определили его особенности. С другой стороны, историческим дискурсом можно назвать некое абстрактное поле, «место» формирования высказываний. В понятие «гуманитарный» включены те идеи и веяния, отраженные в культурном

контексте обозначенной в диссертационном исследовании эпохи. Иначе говоря, под «гуманитарной» составляющей дискурса понимается культурный контекст времени и положение человека в нем. Характеристика гуманитарной и событийно-исторической сторон дискурса представлена в разделе I, глава 1.

Научная новизна диссертации заключается в том, что

1. Впервые в рамках компаративистского исследования предпринята попытка с теоретической точки зрения рассмотреть художественные тексты, обладающие высоким уровнем сходства на уровне сюжета, мотивов, образов и деталей. При этом авторы этих текстов не прибегали к заимствованиям, так как произведения создавались в одно время, а писатели не были знакомы друг с другом. Примечательно то, что объяснить близость текстов биографическим сходством судеб или историческим фоном пребывания в одной стране невозможно, так как рассматриваемые писатели имеют совершенно разную биографию (начиная от внутреннего семейного круга, заканчивая писательской судьбой и отношением к творчеству) и проживали в разных странах, однако в одно историческое время, а именно в период начала XX века.
2. Впервые предпринята попытка теоретически описать и объяснить возможность возникновения столь схожих текстов, появившихся независимо друг от друга.
3. Впервые в диссертационном исследовании осуществляется сопоставительный анализ трех пар текстов Ф. Кафки и М. Булгакова («Сельский врач» и «Вьюга», «Доклад для академии» и «Собачье сердце», «Процесс» и «Дьяволиада») и одной пары текстов Г. Манна и Ф. Сологуба («Учитель Гнус, или Конец одного тирана» и «Мелкий бес»).
4. Впервые попарно сопоставлены как целостные высказывания тексты «Сельский врач» — «Вьюга» → «Доклад для академии» — «Собачье сердце» → «Процесс» — «Дьяволиада».

5. Впервые сопоставлены попарно как целостные высказывания тексты «Доклад для академии» — «Собачье сердце» и «Мелкий бес» — «Учитель Гнус» с опорой на эссе Мишеля Фуко «Фантастическая библиотека. Об «Искушении святого Антония» Гюстава Флобера».

Положения, выносимые на защиту:

1. Рассматриваемые в диссертации пары текстов «Сельский врач» Ф. Кафки и «Вьюга» М. Булгакова; «Доклад для академии» Ф. Кафки и «Собачье сердце» М. Булгакова; «Процесс» Ф. Кафки и «Дьяволиада» М. Булгакова; «Учитель Гнус, или Конец одного тирана» Г. Манна и «Мелкий бес» Ф. Сологуба относятся к специфическим явлениям литературного процесса и заслуживают внимательного изучения современной литературоведческой наукой.
2. Для сравнительного анализа текстов Ф. Кафки и М. Булгакова, а также романов Г. Манна и Ф. Сологуба может быть использована терминология из методологического аппарата М. Фуко («дискурс» и «высказывание») в связи с обнаружением лакунарности компаративистской методологии по отношению к данным текстам.
3. Рассматриваемое в диссертации сходство трех пар текстов Ф. Кафки и М. Булгакова, а также романов Г. Манна и Ф. Сологуба на уровне архитектоники, сюжета, идейно-образного ряда, мотивов и деталей обусловлено не историческим контекстом, сходством биографий писателей или психологической близостью их личностей, а гуманитарно-историческим дискурсом начала XX века.

Теоретическая и практическая значимость диссертации заключается в рассмотрении теоретически не осмысленного явления в области компаративистики, актуализации дискурсивных исследований в области сравнительного литературоведения. Раскрывается потенциал разработок Фуко в ракурсе их применения к литературе. Результаты работы могут быть полезны при сопоставительном изучении сложных случаев компаративистики, а также

могут существенно расширить теоретико-литературную методологию. Наблюдения и выводы могут быть востребованы при разработке курсов по теории литературы, истории литературы, при подготовке спецкурсов и спецсеминаров, посвященных теоретическим проблемам литературоведения и истории литературного процесса.

Достоверность полученных результатов обеспечивается большим объемом исследуемого материала (3 пары текстов Франца Кафки и Михаила Булгакова; 1 пара текстов Генриха Манна и Федора Сологуба), широкой теоретической базой, основанной на использовании точных методов, и последовательной аргументацией.

Структура диссертации. Исследование состоит из введения, двух разделов, состоящих из шести глав, заключения, библиографии, включающей 249 позиций на русском, английском, немецком и французском языках. Общий объем работы составляет 319 страниц.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации излагались на международных научных конференциях в период с 2016 по 2023 г. (ИМЛИ А.М. Горького РАН, МГУ им М.В. Ломоносова, Дом Лосева и др). Методологическая часть в связи с ее междисциплинарностью была апробирована не только на филологических, но и на философских конференциях, в частности, на VIII Российском философском конгрессе «Философия в полицентричном мире» (к 100-летию со дня рождения А.А. Зиновьева); Международной научной конференции «Мишель Фуко: субъект настоящего. К 90-летию со дня рождения М. Фуко (1926–1984)» (2016 г.), а также во время многочисленных круглых столов, проводимых на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Основное содержание диссертации отражено в 9 публикациях автора (2016–2023). Из них 5 осуществлены в рецензируемых научных журналах, индексируемых в базе Web of Science, 5 — в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, 4 — в рецензируемых научных изданиях, определенных ученым советом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Опубликованные тезисы докладов на научных конференциях: диссертация апробирована на многочисленных конференциях в том числе в 6 из них с публикацией тезисов (Международная конференция «Ломоносов» 2016, 2017, 2018, 2021, 2022, 2023).

На основании диссертационного исследования автором работы был разработан учебный годовой курс «Эстетико-дискурсивное изучение художественного произведения. Эпистемологический подход».

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность и новизна темы диссертации, проанализирована степень ее разработки; определены предмет и объект исследования; сформулированы цель работы, задачи и ограничения, накладываемые на их решение; обозначены материал, теоретическая и методологическая основа и научная новизна диссертации; указана достоверность, перечислены положения, выносимые на защиту; приведены сведения об апробации достигнутых результатов, структуре и объеме работы.

Первый раздел «Методологические основания диссертационного исследования» состоит из четырех глав.

В первой главе первого раздела «Гуманитарно-исторический дискурс начала XX века: общая характеристика контекста и дискурса Австро-Венгрии, России и Германии» представлено концептуальное разграничение дискурсивного и исторического (см. подробнее параграф 2, главы 4, Раздел I).

Для Австро-Венгрии одна из ключевых характеристик событийной, исторической составляющей дискурса связана с внутринациональными проблемами и тенденцией к раздробленности, стремлением отдельных земель к самоопределению. Вместе с тем гуманитарная составляющая связана с высоким развитием культуры, в частности, с такими именами того времени, как Х. Гофмансталь, Р. Рильке, Г. Тракль, Ф. Кафка, С. Цвейг, Г. Майринк, А. Шницлер и др. С другой стороны, подмечены и внутренние тенденции к

разложению культуры (антисемитские веяния, «пустая» культура посиделок в кафе и др.). Кроме того, в гуманитарной составляющей рассмотрено и положение человека в социуме, для Австро-Венгрии связанное, с одной стороны, с высокой степенью забюрократизированности, а с другой — с активным развитием культуры. В то же время общая социальная ситуация резко ухудшилась после начала Первой мировой войны, участие в которой впоследствии спровоцирует распад Австро-Венгрии.

Для Германии одна из ключевых характеристик событийной, исторической составляющей дискурса связана с реформами, направленными на усиление бюрократического аппарата, а также перестройку экономики на военные рельсы. Показаны усиливающиеся захватнические тенденции Германии до поражения в Первой мировой войне, усиление колониальной политики. В культурном же отношении стоит отметить пестроту течений в литературе (то же и в Австро-Венгрии): реализм, экспрессионизм, натурализм, символизм и др. Отмечается возросшая популярность кабаре, что имеет важную роль для одного из текстов в сопоставляемой паре романов Ф. Сологуба и Г. Манна. Уже после поражения Германии в Первой мировой войне ее положение резко ухудшится, установится режим Веймарской республики, в первые годы которого жизнь в Германии будет очень трудной.

Для России историческая составляющая дискурса начала XX века связана с необходимостью социальных перемен из-за недоступности образования для бедных сословий, проблем в развитии медицины, усиления бюрократизации системы и общей слабости государственного аппарата. При этом в гуманитарной составляющей наблюдается развитие разных областей искусства, появляются многочисленные литературные направления (символизм, акмеизм и др.), в живописи происходит разделение на сторонников реализма и «чистого искусства», в музыке возникают новые экспериментальные формы (А. Скрябин). При этом искусство проникнуто духом эпохи, произведения многих авторов содержат тревожные предчувствия, передают ощущение потерянности человека в быстро изменяющемся мире (образ вьюги в творчестве А. Блока).

Вторая глава «Дискурс. Терминология. История развития дискурсивных/ дискурсных исследований» рассказывает об истории введения в научную сферу термина «дискурс», дает краткий обзор понимания дискурса в концепциях французских мыслителей второй половины XX века и состоит из двух параграфов.

В первом параграфе «Исток и возникновение термина “дискурс”» дается характеристика основных традиций дискурсивных исследований. Рассматривается изначальная этимология понятия «дискурс» еще до становления дискурсивных исследований. Изначальное значение понятия связано с латинским словом «discurrere», имеющим значение «вести переговоры», «обсуждать». В этой связи прослеживается, как в течение XVIII и XIX вв. постепенно менялась коннотация слова «дискурс», отмечается его переход в сферу научного употребления, в том числе и в связи с возрастанием конце XIX — первой половине XX вв. интереса к проблеме языка, его развития и функционирования. Отмечается, что во второй половине XX в. научное отношение к понятийному содержанию дискурса меняется. Во многом это связано с развитием междисциплинарности в среде гуманитарного знания. В связи с этим появляется тенденция к трактовке дискурса не только с узко лингвистических позиций, но и в контексте различных наук о человеке и его социогуманитарной деятельности. Однако основы для терминологического переосмысления понятия «дискурс» были заложены в работе бельгийского ученого Э. Бюиссанса «Абстрактное и конкретное в лингвистических фактах: речь, дискурс, язык» (1943 г.). Э. Бюиссанс предложил дополнить дихотомию «язык–речь» третьим элементом — дискурсом, который является еще одним звеном между системой языка и живой речью и наличие которого связано с процессом абстрагирования. В таком понимании в работе Бюиссанса закладывается будущее широкое терминологическое разветвление понимания дискурса как способа существования текста по аналогии с парой предложение–высказывание, текст–дискурс, а также как пространства для порождения различных высказываний. Речевые высказывания и тексты в этом контексте

понимаются как «...аспекты дискурса»², его составляющие, размещенные в дискурсивном пространстве.

Дополнительно в конце параграфа дается краткий перечень различных школ дискурс-анализа, а также основных коннотаций для термина «дискурс», использующихся в современной гуманитарной науке.

Во втором параграфе «Аспекты изучения дискурса во Франции во второй половине XX века» подробно рассматриваются теории французских ученых, представителей структурализма и постструктурализма, занимавшихся дискурсивной проблематикой. Отмечается генетическая связь французских исследований с лингвистическими направлениями. Рассмотрены взгляды и положения теоретиков структурализма (Ж. Греймаса, Р. Барта, Ю. Кристевой, Ж. Женетта, Ж. Лакана и др.), а также представителей постструктурализма (Ж. Деррида, Ж. Делёза, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Бодрийяра и др.). В ходе обзорного анализа позиций французских исследователей показано многообразие коннотаций, вкладываемых в понятие «дискурс», использование которого заметно расширяется, охватывая не только речевую сторону, но и распространяясь, например, на вещи и рекламу (Ж. Бодрийяр), психику (Ж. Лакан), политику (поздний Р. Барт). Здесь же уточнено место научных разработок М. Фуко в контексте его научного круга. Показано, что Фуко, в отличие от своих коллег структуралистской и постструктуралистской направленности, стремился сочетать дискурсивные исследования с эпистемологическим контекстом, таким образом, употребляя термин «дискурс» в контексте изучения языка и культуры. Это, в свою очередь, является одним из факторов позволяющим использовать понятия «дискурс» и «высказывание» из терминологического аппарата М. Фуко на литературном материале.

Третья глава «Дискурс в предпринятом исследовании. Дискурс М. Фуко: от философского к литературоведческому аспекту» состоит из трех параграфов.

² Кожемякин Е.А. Дискурсивный подход к изучению институциональной культуры. Белгород: Белгородский гос. ун-т, 2008. С. 66.

В первом параграфе «Дискурс в аспектации гуманитарного знания и природы литературы в работах М. Фуко» последовательно рассмотрен спектр использования термина «дискурс» Мишелем Фуко, а также ракурс его употребления в ключевых работах исследователя. Книга «Слова и вещи» (1966) проанализирована через призму рассуждений М. Фуко о языке и мышлении, что позволяет говорить о выделении общегуманитарных оснований для применения методологического аппарата М. Фуко к литературному материалу. Этими основаниями являются интерес Фуко к анализу языка, вопросы о соотношении языка и речи, вопросы рече- и текстопорождения, осмысление языковых процессов в диахронии их развития, рассуждения Фуко о литературе и литературном языке, связанные с вопросами возникновения литературного языка. Прояснено разграничение понятий «знание» и «информация» в концептосфере М. Фуко и их связь со спецификой литературы как знания. Рассмотрена генетическая связь понятия «Дискурсии» и дискурса, логически подводящая к работе «Археология знания» (о понимании термина «дискурс» в «Археологии знания» см. подробнее в параграфе 2, глава 4). При рассмотрении работы «Археология знания» подчеркивается специфичность концепта «История», имеющего два измерения: во-первых, выражающего связь с определенным историческим фоном, а во-вторых, являющегося областью формирования высказываний. Именно это понимание концепта «История» позволяет не только понимать дискурс как о конгломерат высказываний, но и выделять в нем пространственные характеристики, позволяющие говорить о текстопорождающем характере гуманитарно-исторического дискурса начала XX века применительно к художественным текстам, рассмотренным в диссертации.

Во втором параграфе «Дискурс в аспектации коммуникативной природы литературы. Обоснование применимости терминов «дискурс» и «высказывание» М. Фуко на литературном материале. Литература как знание» показана связь терминологии Фуко с терминологией структуралистов через соотношение понятия «дискурс» с коммуникативной стороной литературы. Терминология Фуко, применяемая к литературному материалу,

сопоставлена с терминологическими понятиями Ю. Лотмана, изложенными им в работе «Структура художественного текста». Показаны теоретические различия в подходе, изложенном в диссертации, и лотмановским пониманием специфики художественного текста.

Для Лотмана текст состоит из знаков, при этом для определения текста Лотман использует понятия выраженность, отграниченность и структурность. Но если Лотман указывает на взаимосвязь понятий отграниченности и структурности, то для данного исследования важной является связь выраженности и структурности, так как текст как высказывание, имеющий определенную организацию, должен быть выражен в поле дискурса, иначе он остается в абстрактной составляющей дискурса. Что касается отграниченности, то она как раз имеет меньшее значение и не включается в определение текстов-высказываний как доминантная характеристика, так как для исследования важно именно происхождение и функционирование сопоставляемых текстов в границах дискурса, а не существование текста как отдельно взятой единицы в его отграниченности от других текстов (см. Глава 2, II раздел).

В исследованиях Лотмана о текстовой природе большое внимание уделяется проблеме кодировки информации в тексте. В диссертационном исследовании, напротив, важно «размещение» и функционирование текстов в определенном гуманитарно-историческом дискурсе. Вопрос о кодировке относится к одному из уровней размещения высказываний, а именно к дискурсивным формациям, которые определяют язык, на котором создается литературное произведение. Для Лотмана важна коммуникационная составляющая художественной литературы, содержание в тексте определенной информации, сообщения. По Фуко, текст сам по себе существует в информационном поле. Сама природа текста связана не с содержанием в нем определенной информации, а с ее способностью, проходя через определенные процессы, изменяться и формировать некий текст. Именно поэтому в исследовании используется определение «высказывания», отражающее не только коммуникационную составляющую, но и аспект выраженности,

оформленности, некоей «неслучайной структуры». Помимо этого, важно и то, что текст — это не информация, каким-то образом закодированная и сгруппированная. В диссертационном исследовании текст — это высказывание, следовательно, информация, ставшая знанием.

В третьем параграфе «Мишель Фуко в ипостаси литературоведа. Неоднозначная позиция по отношению к фигуре автора. Литературоведческие опыты» рассмотрена позиция М. Фуко по отношению к фигуре автора. Показано, что точка зрения М. Фуко является неоднозначной и зависит от материала анализа и конкретной методологической направленности, в которой Фуко решает выстроить ту или иную свою работу. Если в «Словах и вещах» фигура автора имплицитно включена в анализ, то уже в «Археологии знания» она редуцирована. В докладе «Что такое автор?» Фуко не уничтожает автора, а говорит скорее об инстанции, «функции-автор», под которой подразумевается имя автора, функционирующее уже отдельно от реального автора, некий «принцип группировки дискурсов»³. Однако о полном уничтожении субъекта у Фуко речь не идет, что можно увидеть и по его работам, включающим анализ живописи и литературы. В литературоведческих работах Фуко («О диалогах Руссо»; «Фантастическая библиотека об «Искушении святого Антония Флобера»; книга «Раймон Руссель»; «Мысль о Внешнем») фигура автора присутствует, включена в анализ, более того, например, в исследовании о книге Флобера Фуко включает в анализ историю и условия создания текста, таким образом предлагая оригинальный литературоведческий анализ. В диссертации, с одной стороны, последовательно разграничены методологические опыты Фуко, связанные с особым положением фигуры автора в гуманитарном знании (автор как субъект у Фуко сохранен, а речь идет о разновидностях авторских инстанций), с другой стороны, проанализированы работы Фуко о литературных и окололитературных текстах, в которых автор уже органично включен в анализ.

³ Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С. 62–63.

Таким образом, последовательно показана возможность применения терминов из методологического аппарата М. Фуко к литературному материалу.

Четвертая глава «Лакунарность терминологического аппарата компаративистики по отношению к материалу исследования» состоит из двух параграфов.

В первом параграфе «Обоснование включения термина «дискурс» и «высказывание» в компаративистский анализ. Пример стандартного сопоставления текстов» рассмотрены основные компаративистские концепции в российской и зарубежной науке (XIX–XX вв.), при этом подробно проанализирован терминологический инструментарий компаративистики. На основании рассмотрения специфики контактно-генетических связей и типологических схождений была установлена их лакунарность и недостаточность по отношению к явлению сходства и возникновения текстов, анализируемых в диссертации.

Дополнительно в качестве иллюстративного материала приводится сопоставительный анализ текстов М. Горького и С. Цвейга, к которым, в отличие от произведений Ф. Кафки и М. Булгакова, Г. Манна и Ф. Солугуба, хорошо применим общепринятый терминологический аппарат, тем более что авторы текстов на момент их написания были опосредованно знакомы друг с другом, а значит, сближение текстов не является феноменальным и требующим поисков новых подходов для теоретического осмысления.

Во втором параграфе «О некоторых терминах Мишеля Фуко, применяемых к литературному материалу: термины «дискурс» и «высказывание» в аспекте предпринятого исследования» охарактеризованы термины «дискурс» и «высказывание» из методологического аппарата М. Фуко. Подробно комментируются составные части понятия «гуманитарно-исторического» дискурса. Под «гуманитарной» составляющей термина понимаются идеи и веяния, отраженные в культурном контексте обозначенной эпохи, а также различные стороны социальной жизни, характерные для периода начала XX века (система образования, социальный уровень жизни и др.). При рассмотрении «гуманитарной» составляющей

дискурса, речь идет не о влиянии конкретных исторических событий, а о влиянии культурного контекста времени, который структурирует и генерирует описываемый дискурс и его отражение в литературе, а также определяет его влияние на возникновение столь феноменально схожих текстов. «Историческая» составляющая дискурса имеет две стороны: с одной стороны, это конкретные крупные исторические события, характеризующие данный дискурс, с другой стороны — под историческим дискурсом подразумевается некая абстрактная область (пространство), содержащая условия и предпосылки для образования высказываний. Давать в том числе и пространственную характеристику гуманитарно-историческому дискурсу позволяет теоретическая позиция М. Фуко, согласно которой «дискурс — это совокупность высказываний, подчиняющихся одной и той же системе формирования»⁴. В этом Фуко сходен с другим французским исследователем М. Пешё, который тоже наделял дискурс пространственной характеристикой. Таким образом, дискурс — это некое информационное пространство, насыщенное различного рода высказываниями, относящимися к одной модальности. Однако подразумевая коммуникативную природу дискурса с позиции производства высказываний, а пространственную природу дискурса с точки зрения составляющих его «носящихся в воздухе» идей, Фуко подразумевает также и философскую природу дискурса, о которой немного говорит в другой своей работе, «*Theatrum philosophicum*» (1969). Кроме того, прояснен термин «высказывание», который связан с материальностью выражения художественного текста в пространстве дискурса.

По Фуко, дискурс «...il est, de part en part, historique, - fragment d'histoire, unité et discontinuité dans l'histoire elle-même»⁵ («...историчен от начала и до конца — это фрагмент истории, единство и прерывность в самой истории»⁶). При этом важно подчеркнуть, что и языковая материальная природа текста абсолютно исторична, авторское слово, его стиль, язык художественного

⁴ Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2012. С. 206.

⁵ Foucault M. *L'Archéologie du savoir*. P.: «Gallimard», 1969. P. 153.

⁶ Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2012. С. 223.

произведения всегда обусловлены тем историческим временем, в котором жил писатель. Таким образом, и само «текстопорождение» таких сходных текстов связано с тем, как гуманитарно-исторический дискурс влияет на языковую специфику в целом.

Несмотря на то что сопоставляемые тексты материализованы на разных языках и в разных культурах, тем не менее, любому языку свойственна так называемая «семантическая динамика» (термин П. Рикёра), которая придает всему, что язык обозначает «историчность». Эта историчность «...поддерживается усилием к выражению со стороны говорящего, который, желая высказать новый опыт, ищет в уже фиксированной сети значений адекватный носитель своего намерения»⁷. Иначе говоря, текст, являясь высказыванием, становится «инстанцией дискурса» (термин Э. Бенвениста), в которой под влиянием этой «семантической динамики» возникает многообразие определенным образом организованных значений. Вместе с тем схожие тексты, материализованные в одно время, но в разных языковых сферах имеют разную «семантическую динамику». Иначе говоря, само существование столь схожих текстов, авторы которых не могли заимствовать друг у друга, говорит о том, что есть нечто обуславливающее, структурирующее или направляющее эту «семантическую динамику» разных языков так, что в одно время могут возникать тексты, имеющие высокую степень сходства на уровне сюжетов, мотивов и деталей. Именно поэтому речь идет о текстопорождающих свойствах гуманитарно-исторического дискурса, а также о его надысторическом характере. Гуманитарный и исторический контекст, о котором мы говорили в первой главе, определяет языковые особенности того периода в каждой из стран (Россия, Австро-Венгрия, Германия). При этом в каждой из стран эти языковые особенности были специфическими, в связи с особенностями речи и мышления русских, австро-венгров и немцев. Таким образом, сходство рассматриваемых нами текстов не обусловлено языком и историческим контекстом, а связано с тем, что они объективируются неким

⁷ Рикёр П., Гадамер Х.-Г. Феноменология поэзии. М.: Панглосс, 2019. С. 257.

полем, которое вслед за М. Фуко, можно назвать полем дискурса. Именно этот дискурс «преодолеывает» «семантическую динамику», и в определенный момент пространства и времени задает этой динамике некие общие тенденции, которые уже не зависят от языковой системы каждого отдельного писателя, или языка, на котором он создает свои произведения. При этом семантическая динамика или интенция получают некую общую волну развития, не зависящую от способа кодировки текста, то есть от того, на каком языке текст был создан. Эту уже надпространственную динамику можно назвать онтологической динамикой гуманитарно-исторического дискурса. Дискурс, определяя существование таких сходных текстов, и сам преломляясь в них, задает тексту такую динамику, которая, очевидно, структурирует и переводит в схожие образы совершенно различные языковые системы. При этом, конечно же, эта онтологическая динамика дискурса связана с временным контекстом, одновременностью возникновения текстов, что очевидно, ведь время является одной из главных онтологических категорий. На уровне архитектоники текста эту динамику дискурса можно отчасти выявить через дискурсивные доминанты, которые определяют существование столь сходных текстов в одно время независимо друг от друга.

Второй раздел **«Практическая часть. Применение методологии на литературном материале»** состоит из двух глав.

Первая глава первого раздела «Гуманитарно-исторический дискурс в русской и немецкоязычной прозе начала XX века: его отражение в сопоставляемых текстах и текстопорождающий фактор» представляет собой непосредственный сопоставительный анализ текстов как высказываний через призму того, как на их возникновение и сходство повлиял гуманитарно-исторический дискурс начала XX века, и как этот дискурс отразился в рассматриваемых произведениях. Глава состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе ««Сельский врач» Франца Кафки и «Вьюга» Михаила Булгакова в гуманитарно-историческом дискурсе начала XX века» рассказы сопоставлены на сюжетном, мотивном и детальном уровнях. Последовательно показано сходство сюжетов рассказов, где герои, врачи по

профессии, вынуждены отправиться на спасение безнадежного больного. Общность мотива вьюги, болезни, дороги и множества других сходных мотивов и деталей (фонарь, лошади и др.) рассмотрены через общие дискурсивные доминанты, повлиявшие на возможность возникновения текстов. Для рассказов «Сельский врач» и «Вьюга» одними из таких ключевых доминантных характеристик являются «миражность», «потерянность», «хаос», «поиск пути», «стихийность» и др. Показано, как эти характеристики дискурса проявляются в произведениях на разных уровнях. В частности, на уровне компоновки они проявлены в том, что образы умирающего больного, вьюги и проч. не могут существовать по отдельности, отсутствовать, так как это разрушило бы всю архитектуру произведений. Например, для героев рассказов Кафки и Булгакова мотив вьюги неразрывно связан с темой умирающего больного, мотивом дороги и ненадежных лошадей. Кроме того, дискурс и его составляющие влияют и на уровень авторской интенции, направляя взгляд писателя, определяя область выбора (отбора и формирования образов) и структуру образного ряда. На уровне читательского восприятия доминанты дискурса позволяют не только увидеть само сходство анализируемых текстов, но и оценить уровень их близости в смысловом содержании. Таким образом, гуманитарно-исторический дискурс определяет архитектуру текста на уровне формы и содержания.

Во втором параграфе **««Доклад для академии» Франца Кафки и «Собачьё сердце» Михаила Булгакова в гуманитарно-историческом дискурсе начала XX века»** проанализировано сходство текстов, в которых главный герой превращается из животного в человека. Сюжет произведений Булгакова и Кафки построен вокруг героя, который постепенно выходит из животного состояния, социализируется и занимает определенное положение в человеческом обществе. Общие для текстов мотивы метаморфозы, прогресса, генезиса сознания у героя, неоднозначный образ человеческого окружения и другие сходства произведений рассмотрены через общие дискурсивные доминанты, повлиявшие на возможность возникновения текстов. Для рассказа «Доклад для академии» и повести «Собачьё сердце» одними из таких

ключевых доминант являются «развитие», «наблюдение», «изменение», «подражание», «взаимовлияние старого и нового», «становление нового (человека, общества), «поиск» и др. Как и в случае первой пары текстов, эти характеристики дискурса проявляются в сопоставляемых текстах на уровне организации образного ряда текста, авторской интенции и читательского восприятия. Например, булгаковский пёс «Шарик» и обезьяна по имени Петер Кафки изначально оказываются в определенном окружении, которое начинает формировать их конкретным образом. С попаданием в это окружение связан мотив «отлова», после которого начинается медленная и в обоих случаях трудная метаморфоза героев. При этом герои получают не только полезные знания и навыки, но и учатся всему плохому, что есть в том обществе, которое их формирует. С этим странным «обучением» и у Кафки, и у Булгакова связан мотив прогресса, который возникает под влиянием таких характеристик гуманитарно-исторического дискурса начала XX века как «развитие», «изменение» и проч. В обоих текстах этот мотив обыгран иронически, однако важно то, что все эти образы и мотивы связаны, ни один из них не может быть исключен. Кроме того, на читательском уровне они создают смысловое единство текстов как по отдельности, так и при сопоставлении. На уровне авторской интенции сходство текстов проявляется не только в выборке образов, но в авторской иронии, которая является одной из структурообразующих компонент данных текстов.

В третьем параграфе ««Процесс» Франца Кафки и «Дьяволиада» Михаила Булгакова в гуманитарно-историческом дискурсе начала XX века» рассмотрены тексты, в которых главный герой-чиновник попадает в фантастически-абсурдную ситуацию «чиновничьего произвола» и в итоге трагически погибает. При этом булгаковский Коротков, волей абсурдных и случайных обстоятельств, оказывается отчужден от реальности, и она предстает перед ним в гротескно-фантастическом свете. То же самое и у Кафки: герой – часть системы, чиновник оказывается участником уголовного дела, сам не зная, в чем его обвиняют. С главным сюжетным мотивом обвинения связаны и другие общие для произведений многочисленные мотивы

и детали (мотив опоздания, суеты, путаницы, и проч.), обусловленные такими доминантными характеристиками дискурса, как «конфликт среды», «бюрократия», «путаница», «дьявольщина», «искажение», «ограничение свободы», «страх», «смерть» и др. Так, на уровне компоновки и организации образов, в отличие от предыдущих пар текстов, можно отметить видимость случайности в появлении некоторых образов (детские образы). Однако это ощущение немотивированности, к примеру, странных образов детей связано с наличием в текстах приема абсурда. Вместе с тем это ощущение случайности связано и с уровнем авторской интенции, ведь выбор Кафки и Булгакова создать свои тексты, используя прием абсурда, был обусловлен дискурсивными причинами. Вероятно, сходство текстов на уровне сюжетов, мотивов, деталей и абсурдистской модальности могло быть вызвано такими характеристиками дискурса как «бюрократия», «страх» и др. Эти доминанты дискурса определенным образом сформировали взгляд писателей, обозначили выборку как будто «случайных» образов, из которых состоят произведения.

В четвертом параграфе «Романы Фёдора Сологуба «Мелкий бес» и Генриха Манна «Учитель Гнус, или Конец одного тирана»» в гуманитарно-историческом дискурсе начала XX века сопоставлены тексты, в которых главным героем является учитель (инспектор), представляющий собой неразвитого человека со скрытыми диктаторскими наклонностями. Важными характеристиками дискурса, повлиявшими на столь высокую степень сходства произведений, стали «внутреннее общественное напряжение», «состояние нравственного упадка», «лень», «разврат», «тоска», «деспотизм», «разложение» и др. На уровне организации образов мотивов и деталей они определили почти полную идентичность главных героев романов (Передонов и Гнус), сходство второстепенных персонажей, а также общность мотивов и деталей, связанных с ними. Так, мотивы подозрительности, трусости, помешательства непосредственно заключены на героях и определяют весь ход сюжета. Кроме того, каждый из мотивов, связанный с героем, важен еще и потому, что формирует своеобразную градацию, по которой главные герои романов идут к своему краху. На уровне авторской

интенции дискурс обозначил для авторов диапазон выборки образов и деталей. Для Сологуба возникновение романа было связано с личными и профессиональными причинами, а для Г. Манна отчасти обусловлено его общественно-политической позицией, однако общность дискурса воздействовала на писателей таким образом, что разные авторы, творившие в одно время, сформировали столь сходные тексты. Говоря об уровне читательского восприятия, следует отметить, что на сходство текстов обращали внимание как читатели произведений, так и их исследователи. Однако так как тексты были опубликованы в один год, то объяснения этому явлению до сих пор не было дано.

Во **второй главе** второго раздела **«Опыт попарного сопоставительного анализа высказываний»** впервые дается попарный сопоставительный анализ текстов Ф. Кафки и М. Булгакова, а также текстов Г. Манна и Ф. Сологуба.

В **первом параграфе «Предчувствие — Предупреждение — Итог: Концепт «тройного сцепления» текстов-высказываний: «Сельский врач» — «Вьюга» → «Доклад для академии» — «Собачье сердце» → «Процесс» — «Дьяволиада»** предпринята попытка попарно сопоставить и концептуально проанализировать тексты в связке «Предчувствие — Предупреждение — Итог», который представлен парами текстов Ф. Кафки и М. Булгакова «Сельский врач» — «Вьюга», «Доклад для академии» — «Собачье сердце», «Процесс» — «Дьяволиада». Каждая пара текстов проанализирована целостно в соответствующем ей звене концепта. Доминанты «Предчувствие», «Предупреждение» и «Итог» заключены в самих текстах попарно, характеризуют их и ассоциативно, и по смыслу, «перетекают» друг в друга. Попарное рассмотрение текстов позволяет отразить еще одну характерную сторону рассматриваемого явления текстов, связанную с их дискурсивной целостностью. Иначе говоря, через три доминанты «Предчувствие» — «Предупреждение» — «Итог» и попарное рассмотрение текстов можно увидеть не только тот фон и идеи, которые воспринял и транслировал автор, но и эволюцию представления о человеке у авторов. Именно последовательное

изменение позиции человека в социуме и в мире синхронно отражают тексты. При этом синхронность такого отражения в каждой паре текстов связана с тем, что и сходство самих текстов, и их возникновение объясняется влиянием на их появление общего гуманитарно-исторического дискурса и его онтологической динамикой. Таким образом, тексты проанализированы как на своеобразные «сгущения», «квинтэссенции» дискурса, в которых отразились определенные этапы состояния человека в определенный исторический период в социуме, в мире.

Во втором параграфе «Сопоставительный анализ высказываний «Доклад для академии» — «Соба́чье сердце» и «Мелкий бес» — «Учитель Гнус» с применением подхода Мишеля Фуко, реализованного в эссе «Фантастическая библиотека. Об «Искушении святого Антония» Гюстава Флобера» тексты Ф. Сологуба и Г. Манна анализируются попарно в связках, образуя вышеназванные высказывания. Тексты сопоставляются с применением способа анализа художественного текста, изложенного в работе М. Фуко «Фантастическая библиотека: об “Искушении святого Антония” Гюстава Флобера».

В своем эссе Фуко выделяет четыре серии образов и мотивов: теологическую, пророческую (вариант переводчика), историческую и космологическую. В диссертации схожим образом попарно сопоставляются высказывания, в которых выделено четыре таких серии, что позволяет взглянуть уже не на уровни текста, а на весь объем целостного высказывания.

Космологическая серия в высказывании «Доклад для академии» — «Соба́чье сердце» представлена мотивами «вечного превращения», «вечного движения» и мотивом «приспособляемости», которые в этой паре текстов имеют в целом позитивную коннотацию, так как связаны с эволюционным ростом и не противоречат общим космологическим принципам развития мироздания. В целостном высказывании «Мелкий бес» — «Учитель Гнус», напротив, герои косны и абсолютно не стремятся к развитию. Они словно проходят путь развития человечества только в обратном порядке, от человека к животному, существу с низким уровнем духовного развития. Здесь тоже, но

весьма своеобразно реализуется мотив превращения, однако превращение этих героев противоречит всеобщему принципу развития, и они скатываются вниз по эволюционной лестнице.

Второй серией является серия мотивов движения знания и культуры. У всех четырех писателей образ главного героя связан не только с определенным историческим моментом, но и является аллюзией на все человеческую цивилизацию. И Петер Кафки, и Шарик (позже Шариков) Булгакова учатся, начиная с азов, с первых звуков, напоминающих человеческую речь. В этом процессе они являются своеобразным слепком с истории развития всей человеческой культуры. Они проделывают тот же путь, что вся цивилизация, — от колыбели к ее рассвету. Но при этом в обоих текстах весь процесс обучения представлен с иронией, и навыки, которые приобретают Петер и Шариков, выглядят довольно сомнительными, особенно на фоне того, чему они могли бы действительно научиться у развитого общества. Вместе с тем для высказывания «Учитель Гнус» — «Мелкий бес» характерно практически полное отсутствие реализации концепта движения знания и культуры. Здесь художественно изображается жизнь без цели и смысла, наполненная лишь бытовыми и безнравственными интересами, показано общество, представители которого обречены на такое существование и не имеют никаких шансов для развития.

Третья серия мотивов соотносится с развитием истории, Фуко называет ее также хронологической, и связана с отражением в высказываниях исторического контекста. В высказывании «Доклад для академии» — «Мелкий бес» эта серия выражена отсылкой к зоопарку Хагенбека, содержащему людские зоопарки, где показывали туземцев из разных племен. Таким образом, текст ретроспективно показывает реальную проблему, существовавшую в определенный исторический период. Вместе с тем булгаковский текст затрагивает развитие медицинской науки, к которой и сам Булгаков имел непосредственное отношение. Так, в начале XX в. физиолог Иван Петрович Павлов создал теорию о высшей нервной деятельности и об условных рефлексах. Его эксперименты были связаны с животными, в том числе и с

собаками (всем известна «собака Павлова»). Поэтому появление в повести Булгакова образа собаки, которую используют для экспериментов, и образа ученого, работающего в области физиологии, является прямой отсылкой к недавним историческим событиям.

В высказывании «Учитель Гнус» — «Мелкий бес» персонажи романов тоже крепко связаны с историей, с конкретным историческим моментом и его реалиями, однако не олицетворяют собой развитие всего человечества. Прототипом героя Г. Манна был правящий в то время в Германии Вильгельм II. В свою очередь, Федор Сологуб создавал собирательный образ, характерный для тех реалий, которые он наблюдал во время своей жизни в провинции. Однако это образ не цивилизационного масштаба, он слишком мелок (в смысле изображенных человеческих качеств, а не его художественного воплощения), чтобы олицетворять собой крупные мировые процессы. Для Сологуба важной была проблема телесных наказаний, которая во время его работы в гимназии активно обсуждалась в обществе. Телесные наказания в России начали отменять только с середины XIX в., но процесс этот шел довольно медленно. В то же время бытовые реалии и нравы, показанные в тексте Сологуба, как и у Манна, абсолютно историчны.

Четвертую серию мотивов, выделяемую нами в высказываниях «Доклад для академии» — «Собачье сердце» и «Учитель Гнус» — «Мелкий бес», Фуко называет теологической и связывает с христианскими аллегориями, которые могут возникнуть в тексте. Для высказывания «Доклад для академии» — «Собачье сердце» реализация этого концепта связана с несколькими мотивами, одним из которых является мотив Бога-отца или Бога-творца. Профессор Преображенский берет в дом собаку, заботливо выкармливает ее и превращает в человека, то есть дает жизнь новому организму. Здесь проявляется его отцовская функция по отношению к Шарикову. В то же время он совмещает в себе и функцию Бога-творца всего сущего, воссоздавая процесс сотворения человека. Вместе с тем в тексте очевидно прослеживаются и мотивы, связанные с философией Ницше, о смерти бога, так как Преображенский, создав нового человека и своим актом творения, в сущности, обрекая его на

страдания, отворачивается от собственного создания, видя его несовершенства. Таким образом, для Шарикова его создатель теряет свою силу и право быть творцом, происходит символическая смерть Бога и отца. Данный мотив, как можно увидеть, соотносится не только с христианскими религиозными символами, но и отчасти с философским дискурсом предшествующего периода. В тексте «Доклад для академии» эти мотивы присутствуют, но выражены не так ярко. Петер попадает на корабль по воле компании Хагенбека, однако в сознании обезьяны и позже рассуждающей полуобезьяны сам коллекционер Хагенбек как человек, занимает место отца или Бога, который дал Петеру новую жизнь.

Совершенно другую сторону мотивов, связанных с религиозностью, точнее «антирелигиозностью», демонстрирует высказывание «Учитель Гнус» — «Мелкий бес». Во-первых, абсолютно все образы романов Манна и Сологуба связаны с греховностью, и ни один из них не является в полной мере положительным. Характер каждого персонажа несет в себе либо зависть и злость, либо сребролюбие и тщеславие, либо уныние. Как пишет о романе «Мелкий бес» исследователь Павлова, «в образах всех героев...отмечены черты бесподобия...»⁸. Женские образы (сожительница Передонова Варвара, сестры Рутитовы, артистка Фрелих) связаны с животным, низшим началом, с эротизмом из самых низких сфер, граничащих с абсолютной половой распущенностью. Таким образом, характеристика высказывания «Учитель Гнус» — «Мелкий бес» связана с абсолютным отсутствием Бога, которому просто не остается места в мире духовного разложения. Вместо него появляется инфернальная, почти фольклорная «недотыкомка», которая является выражением своеобразной «низкой» метафизики. В то же время в мире учителя Гнуса фигуры Бога не существовало изначально.

Таким образом, на сюжетном, мотивном и детальном уровне высказывание «Доклад для академии — Собачье сердце» выражает идею эволюции, развития, определенного слома, но ведущего к некой следующей

⁸ Павлова М.М. Творческая история романа «Мелкий бес» // Сологуб Ф.К. Мелкий бес. СПб.: Наука, 2004. С. 715.

ступени. С другой стороны, высказывание «Мелкий бес — Учитель Гнус» олицетворяют тенденцию к деградации, застою, душевному омертвлению. Можно сказать, что само по себе явление этих текстов находится в определенной взаимозависимости. На первый взгляд, кажущиеся противоположными высказывания, на самом деле говорят об одних и тех же людях, но находящихся в состоянии выбора. Герои Булгакова и Кафки вышли из своего животного состояния, герои Сологуба и Манна в этом состоянии находятся или в него приходят. Объединение произведений попарно в единое высказывание помогло развернуть глубину текстов, показать не только их включенность в определенный гуманитарно-исторический дискурс. Кроме того, была показана «надличностность» образов, позволяющая говорить о том, что эти произведения описывают глобальные цивилизационные процессы. Являясь «сгущениями» дискурса, рассматриваемые нами тексты «высветляют» ту самую онтологическую динамику дискурса, которая делает возможным появление столь схожих текстов-высказываний независимо друг от друга.

В Заключении подводятся итоги диссертационного исследования и формулируются основные выводы (см. положения, выносимые на защиту).

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора — статьях в научных изданиях, утвержденных ученым советом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова:

1. Ожигова М.М. Круг чтения Франца Кафки как репрезентация исторического дискурса начала XX века // Филологические науки. 2023. № 4. С. 141–150 (WoS, ВАК, JCI 2023: 0,07).
2. Ожигова М.М. Максим Горький и Генрих Манн о кризисе Веймарской республики 1919–1923 годов: взгляд писателей и общественных деятелей // Новый филологический вестник. 2023. № 1. С. 241–255 (WoS, ВАК, JCI 2023: 0,62).

3. Ожигова М.М. Категория автора в исследованиях Мишеля Фуко: литературоведческий аспект // Филологический класс. 2022. № 4. С. 88–98 (WoS, ВАК, JCI 2023: 0,03).
4. Ожигова М.М. Максим Горький и Иммануил Кант: к полемике о природе творчества в «Рассказе об одном романе» (Берлин, 1924 г.) // Новый филологический вестник. 2022. № 2. С. 198–207 (WoS, ВАК, JCI 2023: 0,62).

Публикации в других научных изданиях:

5. Ожигова М.М. А.М. Горький и актуализация его творчества в оптике эстетики: «полемика» с И. Кантом в «Рассказе об одном романе» // Новые российские гуманитарные исследования, изд-во ИМЛИ РАН. 2023. Т. 18. (РИНЦ 2020: 0.065). <http://nrgumis.ru/articles/2223/>
6. Ожигова М.М. Подмена дискурсов: отсутствие восприятия. Материалы Восьмого Российского Философского Конгресса «Философия в полицентричном мире». М.: Логос, РФО – ИФРАН – МГУ, 2021. Т. 5. С. 863–865.
7. Ожигова М.М. Аполлоническое и дионисийское Ф. Ницше как фактор влияния на горьковское понимание генезиса творчества // Новые российские гуманитарные исследования, изд-во ИМЛИ РАН. 2023. Т. 18. (РИНЦ 2020: 0.065). <http://nrgumis.ru/articles/2267/>
8. Ожигова М.М. Эстетика прозы немецкого периода А.М. Горького: "полемика" с Иммануилом Кантом в "Рассказе об одном романе" (1924) // А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 187-202. (РИНЦ).
9. Ожигова М.М. Концепция Ф. Ницше об аполлоническом и дионисийском и ее влияние на эстетический диалог двух рассказов М. Горького // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 8. С. 329–346. (WoS, ВАК, JCI 2023: 0,48).